

«Враг мой...» Первая мировая война в русской сатире

*Татьяна Филиппова,
кандидат исторических наук,
заместитель главного редактора
исторического журнала
«Дилетант».*

Первая Мировая война не только наглядно продемонстрировала, каких зверств можно ожидать от цивилизованного человечества в ближайшем будущем. Она стала неисчерпаемым кладезем поводов к сарказму и горькой иронии пополам с острой досадой и откровенным негодованием. Тяжёлую задачу – шутить во время мировой бойни – отечественные журналисты-сатирики восприняли как профессиональный вызов. И вступили в свою войну...

Между двумя мировоззренческими полюсами – патриотическим отзывом на агрессию врага и критическим осмыслением собственных проблем России в условиях жесточайшего военно-политического, социального, экономического, культурного кризиса – пролегалo пространство деятельности русской сатирической журналистики. В ту пору журнальная сатира, представленная блестящими про своему авторскому составу изданиями, – «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Стрекоза», «Бич», «Кривое зеркало», «Пугач», «Искры», «Солнце России» – пережили свой «серебряный век», создав принципиально новый язык общения с читателем, новые формы сатирического осмысления действительности.

Рисунок 1

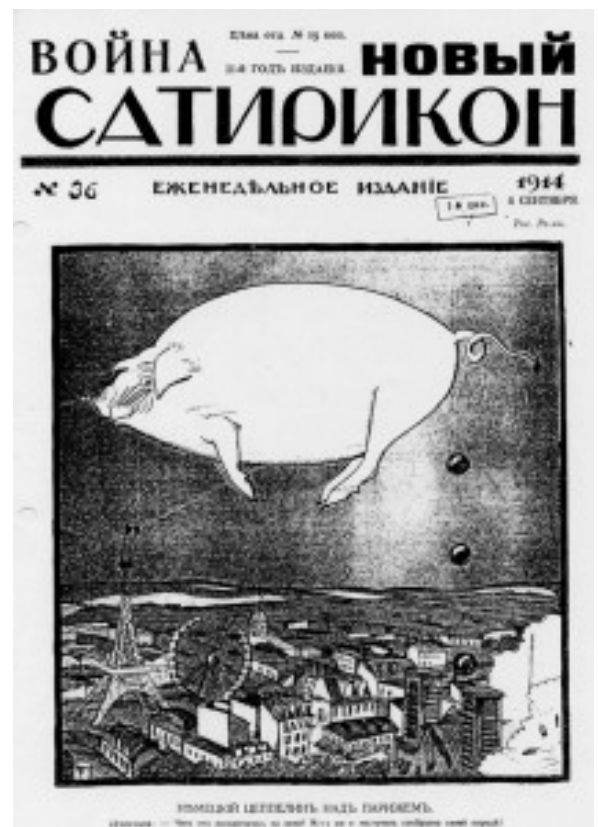

Рисунок 2

«Идеология» журналов не претендовала на серьезное участие изданий в общественной жизни, но была, скорее, проявлением силового поля «политической озабоченности», столь свойственной русскому складу ума и души, особенно – в годы испытаний. Но чем профессиональней, талантливей,

ответственной была позиция журналистов, тем больше они обращались к человеку, а не государству, к культурному факту, а не политической интриге, к гуманитарной катастрофе, а не громкому сражению.

Вступление каждого нового участника в ширящийся конфликт народов и империй встречалось авторами бурным всплеском эмоций и злого сарказма. Все старые исторические обиды доставались из «депо» культурной памяти общества и начинали работать на новые пропагандистские задачи.

Австро-Венгрия, открывшая мировой конфликт, вызывает у отечественных сатириков резкую неприязнь, переходящую в бурное возмущение. Застарелое соперничество двух империй – Габсбургов и Романовых – усугубляется шоком от событий конца июля 1914-го, бомбёжек Белграда, зверств австро-венгерских войск, беспрецедентных жертв среди мирного сербского населения. Будто сама смерть (или оживший мертвец) – символ «австрийца» – шествует по полям сражений, предавая огню всё живое... (Рис.1).

Вступление в войну Германии и характер боевых действий на европейских фронтах вызывают резкое возмущение и журналистов, и читающей публики: немцы, традиционные для России учителя по части культуры и науки, на поверку оказываются «тупыми, жестокими свиньями», под их копытами гибнут европейские города. Сатирики с ужасом будут описывать германские «свинства» – бомбардировки бельгийских городов, гибель тысяч людей, превращённые в руины памятники европейской истории. Торжествующая «германская свинья» угрожающе нависнет над Парижем, гадя бомбами на прекрасный город (Рис.2).

Ещё один участник мирового конфликта, «турок», вступит в войну под разбитной мотив язвительных стихов:

Рисунок 3

Рисунок 4

*Турки начали войну со сбиванья штукатурки...
Ну и ну, ай, штука турки!
Ночью тёмною, как тать,
к городу подкрались, гады,
И давай в него метать
за снарядами снаряды!
Пышет заревом восход,
день и солнце на пороге;*

Вздрыгнул храбрый мореход.

И – в бега – давай Бог ноги!

И поделом «храброму мореходу»: не надо было обстреливать с кораблей (да ещё под командованием германского адмирала Сушона!) российские черноморские порты – Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск.

Практически сразу за самим фактом появления Кавказского фронта войны с турками русские журналисты угадывают «руку кайзера», «германский след». Без немецкой помощи и понукания турки не посмели бы вступить в войну.

Отметим, что этого традиционного «врага с Востока» сатирические журналы помещают в своей «иерархии вражды» отнюдь не на первое место. Незадачливый турецкий вояка, вскормленный в германской каске как птенец в гнезде (Рис.3), быстро становится «расходным материалом» в войне с русскими – причём под бодрые заверения кайзера Вильгельма о германо-турецкой дружбе. Сначала «турок» оттягивает на себя силы с западного фронта, а потом и сам – как балласт – отправляется «германцем» на русские штыки (Рис.4). За «Врагом с Востока» сатирики не без основания угадывают руку «врага с Запада»...

Рисунок 5

Рисунок 6

Последний из вступивших в войну участников союза Центральных держав, Болгария, и вовсе трактуется сатириками как комический персонаж второго плана – по значимости в происходящих событиях. Болгарский король (немецкого происхождения, подчёркивают сатирики) Фердинанд Кобургский, «предатель славянства», на страницах журналов превращается в носатого карлика, суевающегося в поисках немецкого «защитника».

(Рис.5).

Болгарский фигурант Великой войны, последним попадая под немецкую «крышу», точнее – под ветхий зонтик, пополняет собой унылый квартет «врагов России». (Рис.6). Художник подчёркивает убогость и обречённость этой четвёрки. Тогда, осенью 1915 года, сатирикам казалось, что ещё одно усилие – и противники с «чёрной меткой» германского кайзера будут повержены...(Рис.7).

Рисунок 7

Действительность оказалась проблемней. Приближение рокового 1917 года меняет восприятие действующих лиц глобального конфликта. На финальной стадии развития образов врага исчезают собственно их национальные черты, они становятся универсальным символом апокалиптической катастрофы, случившейся с Россией в 1917 – 1918 годах. «Внешний враг», будь то с Запада или с Востока, отныне воспринимается лишь носителем зла, торжествующего в России при попустительстве внутренних сил...

Но это уже другая история, впрочем, не менее драматичная.

